

ТРАВМОТУРГИЯ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРАВМА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ (ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ)

Гачегова Ирина Олеговна

Аннотация. Вводится понятие «травмотургия» для описания процесса авторской психотерапии в процессе совместного переживания и оформления в сюжет истории пациентов о «пустоте», о получении «ранений» и утрат, потери и обретения страданий. Обсуждается топология «душевных пустот» и проблемы «центра». Появление «сетевых технологий» человеческих коммуникаций поменяло и представление об устройстве и расположении «центров человека». Периферия, верх-низ: исчезли. Обсуждается душевная терапия как авторский акт, авторское действие, как со-действие, в котором исцеление становится делом рук двух соавторов: экзистенциального терапевта и пациента.

Ключевые слова: экзистенциальная терапия, травмотургия, топология экзистенциальной травмы, экзистенциальная диагностика.

TRAVMOTURGIYA: EXISTENTIAL TRAUMA AND EXISTENTIAL THERAPY (DIAGNOSTICS PROBLEM)

Gachegova Irina Olegovna

Abstract. The concept «travmoturgiya» for a process description of authoring psychotherapy in the course of joint experience and design is entered into a plot of story of patients about «emptiness», about receiving «wounds» and losses, losses and findings of sufferings. The topology of «sincere emptiness» and a problem of «centre» is discussed. Appearance of «network technologies» of human communications changed both idea of the device and layout of «centers of the person». Periphery, top bottom: disappeared. Sincere therapy as the authoring act, authoring action as assistance in which the recovery becomes work of two coauthors is discussed: existential therapist and patient.

Keywords: existential therapy, travmoturgiya, topology of an existential injury, existential diagnostics.

Наверное, это важно: нет такого слова – «травмотургия» в Гугле. Не «гуглится» оно, слово-то. Так что – будем считать его моим изобретением, авторским словом. Для авторизации чего? Ответ прост: своего собственного опыта терапии «экзистенциальных травм». Собственный опыт – это, с одной стороны, когда «жизненные травмы» – свои, а с другой стороны, приходят пациенты, у которых тоже есть травмы. Их – «свои травмы». И исследовательская авторская позиция по отношению к себе, к своим травмам – позволяет точнее увидеть чужие «свои травмы». Именно в этом смысле я употребляю слово «травмотургия». Терапия душевно-духовных травм – это, похоже, всегда процесс со-творчества, созидания, совместной работы, совместного углубления, проникновения в жизненную драму. Поскольку без драмы жизни – нет травмы жизни: «Наша суть, вступая в круги опыта, становится знанием. Где это происходит, там расходятся духи, и это знаменует собой начало новой эпохи» [1]. Хотя, допускаю, что легко найдутся «экзистенциальные экстремисты» и воскликнут, что и счастье – это тоже травма. Итак, травмотургия – это авторские практики терапии душевно-душевных (психических, психологических) травм. Последние тенденции в развитии (развертывании, экспозиции, экспликации) коммуникативных технологий (интернет, социальные сети, непространственные коммуникации...) позволяют теперь иметь терапевтические контакты и консультации в режиме «он-лайн». В моей практике, пожалуй, очных контактов – столько же, сколько и заочных, дистанционных. И мне не обязательно записывать «фамилию, имя, отчество, год рождения и пр.», не обязательно идентифицировать того, кто пришел ко мне. Тот, кто пришел – автор слов и настроений, которые имеют мгновенную природу. Они – здесь и теперь. Они наши: если человек напротив готов довериться. Вот истории тех, кто доверился и нашел в себе мужество не только прикоснуться к боли, но и говорить о ней, освобождаясь:

История Марины. Про маму, апельсины и желание жить из «я есть»:

«Семинар «догнал» меня через неделю: просыпаюсь от сильной боли в области правой почки. Есть понимание того, что должно быть как-то по-другому. Взгляды, действия, внешний образ, речь, отношение к себе... Но нет, не так просто перевернуть страницу. Прошлое просит вернуться.

Мне лет 10, родной сестре около 13. Очередная приборка квартиры. Теперь я вспоминаю, что значит для меня было «убрано». Это значит ничего не видно на поверхностях! И фиг с ним, что под кроватью свалка из игрушек - ее же не видно. Полный бардак в тетрадях и учебниках - будет время, разгребу, они же в шкаф убраны и т.д. Откуда-то у нас в тот день появились апельсины, штук 6. Пакет с ними лежал в нашей детской комнате на письменном столе. До кухни мы их сразу не донесли, до нее же идти надо было, а наша комната была напротив входных дверей. Тут и бросили. Но ведь надо прибираться! Я беру эти апельсины и запихиваю их в верхний ящик письменного стола с той мыслью, что приберемся в квартире и я отнесу их куда следует. Да, прибрались, а вот про апельсины то я забыла. Просто забыла. Приходит после работы мама. Делает свои дела. И тут ей понадобилось что-то из канцелярии. Она подходит к письменному столу, открывает верхний ящик и..., о Боже, что же с ней стало: покраснела, раздулась. Она орала, что это мы от нее спрятали, что она для нас «все», а мы вот такие неблагодарные. На вопрос: «Кто это сделал?» я не могла выдавить из себя ни писка. «Разбор полетов» был жесткий. Попало моей дорогой сестре, видимо, как старшей. Причем попало как морально, так и физически, она драла ее ремнем, везде, где попадало. А сестра смотрела на меня и молчала. Я тоже молчала, зажавшись в угол своей кровати. Мне страшно. Я онемела. Я их просто забыла унести на кухню! Теперь мне 33, и мне до сих пор страшно жить, говорить, проявлять себя, заявлять о себе. Мне страшно жить из «я есть». Теперь я осознала эту боль, этот

страх подавления и физической боли. Моя луковичка постепенно очищается! Счастья мне, моей любимой сестре, моей маме и всем людям» ... вот такой вот Фэншуй Души...».

В Душе каждого есть частички, связанные с радостью, восхищением, счастьем, любовью, но ведь есть и зоны обид, боли. Представляете, дизайнер предлагает в Вашем доме обустроить зону обид или боли, злости? Но с этим ничего нельзя поделать: «если ты живой то в течении жизни будешь проходить через все переживания, свойственные человеку и будешь периодически затронут несчастьем, счастьем, злостью, наслаждением, грустью и так далее...Никто не может избежать этого опыта, но каждый имеет право выбрать свой способ взаимодействия с ним. Одни способы ведут к росту «счастья», другие в «тюрьму неэффективного страдания» [2].

История Сергея. *Моя философия (история болезни):*

«Я начал замечать за собой нездоровое влечение к рефлексии примерно лет с 14-15. Рефлексия? Это такой очень странный способ подсматривать. Тому, кто занимается рефлексией – кажется, что он – подсматривает за собой – а САМ – вроде бы как разглядывает все виды реальности. Природную. Человеческую. Общественную. Историческую... И чем больше реальностей разглядывает философ – тем ему все больше кажется, что он все больше наливается могуществом понимания. Но совершенно маленькая проблема «философа» заключается в том, что он не может ничего сделать. Чем он больше понимает – тем он бессильнее. Безвольнее. Апатичнее. И эйфория понимания – сменяется депрессией. Временами длительной и глубокой. Доводящей до отчаяния. Настоящий философ, настоящий больной – а философия без сомнения является формой маниакально-депрессивного психоза – в своем «философствовании» регулярно достигает состояний откровения. Откровение приносит невероятную радость, ощущение власти над миром, обязанности мира подчинить-

ся законам существования, открытым этим философом. Настоящий философ не готов общаться с обычными людьми и склонен составлять специальные кружки для обсуждения специальных вопросов, которые кажутся больному чрезвычайно важными для мира. Я, когда заболел – положил на «алтарь философии» несколько лет своей жизни, принес несколько серьезных жертв. Рассказываю об этом я вовсе не для того, чтобы «оправдаться». Болезнь была длительной и, наверное, достигла фазы хронической. Терминальной. Да-да, думаю, от философии умирают. У меня нет статистики под рукой, но количество самоубийц среди философов явно больше, чем среди «обыкновенных людей». Для того, чтобы исполнилась моя мечта, удовлетворилась страсть «стать философом» я потратил то ли 6 то ли 7 лет своей жизни. Я ужасно страдал в армии, когда бессонными ночами в Капустинском Яру догадывался, что «никогда не быть мне философом». Мысль о том, что мне «не быть» доставляла мне почти физическое страдание. И приводила к размышлениям о разных экзотических действиях, на которые я был бы готов, чтобы все же – вопреки всем препятствиям: «стать»! Я все же пробрался. Пробрался в цитадель философии. В 1973 году я поступил в Ленинградский университет на философский факультет. Меня записали в эту больницу для страстных маньяков. Для того, чтобы отдаться «любимой страсти» всем сердцем, всем временем, всей жизнью – я «женился». Нашлась деловитая подруга, для которой семья – была таким же «делом» как для меня философия. Маньяки встретились: маньяк семьи и маньяк философии. Мне нравилось, что маньяк семьи деловито решал все вопросы. Продвигался деловито к правильному счастью. Она знала – когда рожать, а когда не надо рожать. Когда варить борщ, а когда щи. Что скажешь? Всякий маньяк меня поймет – и щи могут быть страстью! А я? Я исступленно предавался философствованию. Сразу же, после того, как университет закончился – и меня хотели выписать с диа-

гнозом «временное улучшение, ремиссия в философствовании» – я воспротивился. И поступил в «аспирантуру». Понятно же, что в те времена для «профессиональных больных» было придумано такое лечение, когда вроде бы давалось еще немного времени для того, чтобы удовлетворить свою страсть, свою манию. Я все так же – жертвовал своими обыкновенными обстоятельствами, обычной жизнью, сексом, едой, путешествиями, удовольствиями – чтобы совершить главное: «понять»! Понимание стало маниакальной страстью, занятием, идеалом..., однако время от времени меня накрывало невероятным унынием: понять все – не удавалось!...»

Предположем, что профессиональные больные в те времена составляли касту тех, кто продавал свое уныние и свои озарения за деньги. Понятно – нужно было лечиться, на лечение требовались средства – а вокруг было так много молодежи, которая еще не догадывалась о толпах маньяков, которые их окружили и жаждут сожрать чужое время, внимание, жизнь – чтобы удовлетворить свою ментальную похоть!»

Сергей продолжил: «Маньяк семьи – деловито продолжала строить «наш рай». Ассортимент кастрюль для рая, борщей для счастья, котлет радости к моему удовлетворению: увеличивался! Счастье становилось все вкуснее! Но страдание непонимания, депрессия от невозможности овладения миром время от времени становилась все длительнее и глубже. Часто депрессия приводила к антисоциальным заключениям. Про то, что «общество» устроено не надлежащим образом и его нужно менять. Болезнь привела меня в круг тех, кто называл себя «методологами». Они тоже были кружком. Узнавали друг друга по особым словам и знакам. Знаки доверия они называли «схемами». И точно так же, как и я – временами впадали в эйфорию, и регулярно: в депрессию. Эйфорию – эти профессиональные больные называли Игрой. А депрессию – жизнью. Но и игра меня не спасла. По-

началу мне, конечно, казалось, что вот, наконец-то – я попал к Просветленным! Меня записали в круг тех, кто свободен от маньячества и депрессухи! У Этих: в глазах всегда свет!

И тогда я впервые в жизни ударил женщину. Свою жену. Которая уже родила мне к тому времени любимую дочь. Но сочла возможным учить меня – как щи варить. Недопустимая наглость! Маньяки нашего круга – занимались обустройством мира! В Нашем Мире – Щи были недопустимы! С этого времени моя семья стала распадаться. Мое высокомерие, моя уверенность в том, что я уже почти приблизился к тайне устройства мира и совсем недолго осталось ждать, когда, наконец, наступит СВЕТ – похоже, сделало меня невыносимым. Агрессивным. Тем, кто готов стал «причинять добро» направо и налево. Быть Мессией. Нести «Русскому Народу» Правду и Счастье. Во что бы то ни стало. Ремиссия: закончилась. Я больше никогда этого не делал – «ударить женщину». Однако «мечта о фингале» – временами греет мое сердце – уверяя, что два-три фингала сделали бы мою жизнь лучше. Но: увы – я упустил ситуации...

Борьба за счастье русского народа и всего человечества под моим руководством продолжалась примерно 10 лет. Ничего не получилось. Счастье не получилось. Не состоялось. Я? Утратил веру в русский народ. Понял, что он существует совсем не для счастья. Понял, что я снова ошибся! Как только русский народ меня подвел – я снова оказался в состоянии тяжелой депрессии. И стал изучать ошибки богов. Ошибки Творения. Меня, конечно же, беспокоит вопрос о том – что делали боги, когда у них что-то не получалось? Наверное, есть какие-то технологии спасения Богов от уныния. Где-то же они собираются и хихикают, шутят, веселятся. После окормления-то. Так что теперь, в новой ремиссии – с опаской жду нового содержания философских маний. Тем более, что нас тут, в палате-то, становится все меньше» [3].

Раны могут существовать не в одиночку. Скажу так – они могут быть «множественным ранением» (ранениями). Раньше мне, чаще всего, хотелось упаковать «раны» в сюжет. Одну – следом за другой. В некоторую историю... Сегодня я склонна удивляться пациентам, у которых нахожу какую-то необычную «пространственную конфигурацию» «экзистенциальных травм». Здесь одновременно могут присутствовать травмы истории (деды, род), «травмы семьи» (отец, мать, братья, дяди и пр.), «личные травмы» (и неудачи, поражения, ошибки, предательство, негатив, неточные и неадекватные решения, неточные социальные практики)...и «травмы близких» (которые индуцируют, заражают тех, кто рядом. И в этом контексте: экзистенциальная терапия – это про то, как дружить с собой, тем кто ты есть на самом деле – но сначала: о дислокации ран духа. Когда с собой не дружишь – это ведет к череде неверных решений...

«Дух является центром, привлекающим жизненный принцип, если дух покидает форму, жизнь привлекается другими центрами. Если деятельность жизненного принципа внутри формы происходит нормальным и регулярным образом, который не нарушают никакие препятствия, такое состояние называется здоровьем. Если же его деятельность по какой либо причине нарушается или если он действует ненормально и нерегулярно, такое состояние называется болезнью» [3, с. 171].

И если говорить об «укорененности в духе» (бытие), то особое значение имеет история рода и уважение к предкам. Задачи и проблемы, которые стоят перед человеком, зачастую являются долгом по отношению к Роду. Долг, скорее, можно понимать как задачу Рода. Задачу, понимание которой (а затем и решение) ведет к исцелению родовой энергии, преобразованию травматического опыта, выходу из негативных сценариев. И только потом можно говорить о предназначении, как движении из состояния «Я-Есть» за границы Рода (усиление силы Рода, расширение территорий, смыслов, обогащение сущности, облагораживание породы и да-

лее). Если нет связи с Родом, Предназначение не исполнить: нет силы, нет благословения. Зачастую мы торопимся выйти, отделиться в иллюзорную самостоятельность и «свободу от»... Свободу от чего? От умения уважать, от традиций, принадлежности? От своей Породы?

Здесь важно не подменить свободу нежеланием решать родовые задачи, зарыть голову в песок и не видеть, убежать, оставив утяжеляющиеся «долги» следующим поколениям. Учитывая нашу российскую историю, войны, революции, многолетнее и многопоколенное «подрубание корней», основной вопрос звучит так: Есть ли родовая принадлежность? Каковы отношения с мамой, папой и старшими поколениями? И если «порядки любви» нарушены, то где прервана связь? Где начался «выход из рода»?

Основные причины отчуждения, по-моему, это: 1. Шоковая травма (травма отвержения). 2. Предательство (отказ от родителей), иногда вследствие ситуации «жесткого выбора». 3. Обиды, непонимание, перекалывание ответственности, неопознанная вина (стыд). Решив эти задачи человек из тяжеловатого предписания «Мне положено (должно) это» («я должен»), переходит в сияющее «Я-Есть» – как в следующее духовное сословие, вставая на путь исполнения Предназначения, получая удовлетворения от своей реализации.

Незабвенный Павел Флоренский, «Как не очутиться в «международной обшлыге»: «Для большой публики генеалогия – скучное, чванливое, пустое занятие. А на самом деле она вытекает из великой заповеди чтить родителей, на усвоении которой едва ли не основана могучая жизнеспособность еврейского племени. Тем, кто не имел счастья любить своих родителей, не надо заниматься генеалогией. Для них она мертва. Для тех, кто имел счастливое детство, родители родителей при мысленном углублении и изучении, становятся близки, понятны, любимы» [4].

Флоренский полагал, что генеалогией не занимались постольку, поскольку:

а) Имело место нарушение традиций, связей, родов в 60-е годы. Нигилизм. Или, точнее, это-то и есть нигилизм в точнейшем смысле слова.

б) Разорение уклада жизни, быта, гнезда, оседлости. Забывалось все.

в) Дурное чувство зависти родовитым фамилиям. Вместо того, чтобы изучать прошлое, завидовали тем, у кого оно изучено. Вместо того, чтобы делаться родоначальниками, ненавидели тех, у кого они есть.

г) Разрыв с отцами. Не любили отцов, дедов и хотели детей своих лишиться родового имущества, генеалогии, традиций... Отрекались от титулов, от предков, от имени...

Почему надо заниматься?

а) Чувство связи с родом, долг перед предками, перед родителями обязывает знать их, а не отворачиваться. Последнее и есть хамство – «знать вас не знаю, как родителей, предков...».

б) Себя чувствовать надо не затерявшимся в мире, пустом и холодном, не быть бесприютным, безродным; надо иметь точки опоры, знать свое место в мире – без этого нельзя быть бодрым. Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, родину. У кого нет рода, у того нет и Родины и народа. Без генеалогии нет патриотизма: начинается космополитизм – «международная обшлыга», по слову Достоевского. Чем больше связей, чем глубже выросла душа в прошлое, чем богаче она обертонами, тем она культурнее, тем более культурная масса личности: личность тем более носит в себе то, что более ее самое.

в) Идеи, чтобы быть живыми, должны быть с фундаментом, с прошлым; мы должны чувствовать, что не сами сочиняем свои теории (сочинительство, игра в жизнь), а имеем то, что выросло, что почвенно. Какая разница между одеждой на вешалке и той же одеждой на живом теле? Такая же между идеей, отвлеченно, вне культурной среды, взятой и идеей в ее живой связности с культурой.

г) Для истории материал необходимый. Надо его собирать. Долг каждого, живущего в истории, и давать свой вклад в познании истории. Нельзя заранее сказать, что важно и что неважно. Иногда и мелочи оказываются драгоценными.

д) Ответственность пред детьми, пред младшими поколениями. Генеалогия – родовое достояние, не личное, и надо его хранить. Как майоратное имение не имеешь права растратить, так и сведения о предках должно держать в памяти, хотя бы сам ими не интересовался. Будущие поколения всегда могут предъявить вопрос: где же наше достояние, где прошлое наше, где наша история. В 18 веке и до половины 19 проматывали имения, а во 2-й половине 19 века проматывали духовное достояние – прошлое. Это хуже, чем проматывать имения.

е) Закон о сохранении культурных и общественных ценностей. Он относится сюда же.

ж) Религиозный долг благодарения. Как же благодарить за жизнь? – если не памятованием о ней... [5].

И помня о жизни, стоит упомянуть, что движение жизни не линейно, а циклично (спирально, подобно молекуле ДНК), каждый цикл – это жизнь-смерть- возрождение – закон природы. Поэтому любое продвижение (перемены) предполагает завершение цикла (см., напр., «о цикличности жизни» здесь – [6, с. 46]: умирание, отпускание, чтобы войти в новую фазу, родиться).

Как сказал К. Дюркгейм, движение и есть жизнь, цель – это само движение к цели. Застревание в содержании одного какого либо опыта напоминает цирк, где «пони бегают по кругу», полагая, что это и есть жизнь. Переход же из одной мерности в другую идет через кризис, разрушение старого, привычного: социальных ролей, временных связей. Кризис (травма) является вызовом, запускает процесс инициации, и к концу испытаний человек становится другим, обретает иное существование в цикле Жизнь-Смерть- Возрождение. В духовных практиках этот

процесс называют «Золотой лестницей восхождения». Инициация ведет к изменению идентичности, статуса, духовного и социального.

Задачи перехода: 1. Начало: понимание необходимости изменений (жить по-старому: невозможно). Здесь – импульс, воля, решение. Благодарность прошлому. Что взять с собой, а от чего избавиться. Очищение, разрыв старых связей. 2. Осмотр, инвентаризация «ресурсов»: поиски силы (на разных уровнях), манифестация «Я МОГУ», формирование организации, коммуникации, связи и поддержки (Со-бытие, Со-творчество, Со-гласие. 3. Принять себя нового себе в дар, созидание новых связей. Возрождение.

Различают основные точки переходов: физическое рождение, пубертат (социальное рождение), свадьба (готовность продолжать род) и смерть. Эти переходы отмечены в народных традициях ритуалами. Отсутствие перехода в должное время приводит к временному разрыву: время жизни идет вперед, а человек остается в старом содержании, возникает неудовлетворенность, конфликт, травмы. Без сомнения, немедленно возникает следующий вопрос: а что квалифицировать как травму? Есть ли необходимость пока что не совсем понятным образом разделить, систематизировать, специфицировать то, что мы по привычке называем травмами? Видимо да, это стоит сделать, позаниматься «навигацией», расставить метки, вешки, определить уровень и степень. Что вот в этом месте есть боль, проблема, приглашение к ... «терапии». Ведь, согласитесь, часто бывает так, что следует похоронить мертвое. Отделить от живого и похоронить. И стоит ли вообще лечить болезнь души? Может надо укрепить те частички души, духа, что здоровы? В прямом общении с душой находится сердце, там и стоит искать помощи, хотя разум, как обычно, будет сопротивляться. Дух ведь может быть скован, подавлен, и тогда мы говорим о том, чтобы увеличить ресурс (восстановленное здоровье вытесняет болезнь). Если дух надломлен, возможно, стоит больную, длительно и неэффективно страдающую

часть отсечь, тем самым завершить процесс, приняв с благодарностью положительный опыт страдания (милосердие) и перенаправить все силы на восстановление здоровой части.

Я полагаю, что очень часто терапия и практикующие терапевты «буксуют» и «тормозят» по двум причинам:

1) на человека вешают ярлык диагноза (ПР: шизофреник), и за диагнозом не видят человека, силы, потенциал его здоровой части. Интересны работы норвежского психолога Арнхильд Лаувенг [7]. В своих книгах Лаувенг поднимает очень важную - тему: психически больной человек теряет право голоса. Что бы он ни сказал и ни сделал, это объясняется болезнью. – Даже если то, что он говорит, вполне разумно, никто не станет это слушать. И выздороветь почти невозможно, потому что никто, включая психиатров, не верит больше в здоровую часть личности. «Человек может болеть. Но он не равен своей болезни», – пишет она. Человек больше, чем болезнь...

2) пытаются исцелить травмированную и уже нежизнеспособную часть, тратят силы и ресурсы на спасение того, что должно умереть, вместо того, чтобы поддержать то, что жизнеспособно. И пациенты, к моему удивлению, с радостью соглашались похоронить проблемную часть, как будто ждут «разрешения» не спасать.

3) к сожалению, встречаются состояния, когда дух сломлен (в психиатрии соответствует ядерным поражениям при шизофрении, терминальной стадии алкоголизма и пр.), в таких случаях нет точки приложения, и терапия нужна близким людям, как средство пополнения запаса терпения и сострадания.

Итак, речь о том, что: жизнь не линейна, она – циклична. Основной признак жизни – движение. Для того, чтобы продвигаться необходимо уметь завершать цикл, позволять сгорать старому, следуя закону: «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ – ВОЗРОЖДЕНИЕ», подобно мистической птице

Феникс, и продолжать жизнь в новом, лучшем качестве себя. Жанр драмы не единственный...

И в заключение еще один штрих, еще одна «**дорога исцеления**»:

Работаю..., у женщины сложная жизненная ситуация – развод. Это результат сеанса, вот как его описывает пациентка:

«Тяжелый путь исцеления женской судьбы: Сегодня я пережила то, что еще никогда не случалось со мной. В процессе сеанса я умерла и возродилась снова. Я лежала на дне огромного завала под тяжелой каменной плитой, мне было тяжело дышать, и я не знала – выживу я или нет, спасут ли меня. Постепенно я поняла, что у меня появился шанс выжить: в мой мир стал проникать свет, стали слышны звуки. Я поняла, что меня могут найти и спасти. Добравшись до огромной плиты, лежавшей на мне, кто то начал разбивать ее. Мне было больно, но я понимала, что это путь к спасению. Плита разбита, я вижу свет, чувствую только свое тело, но не тяжесть. Я спасена! Молю все силы Небесные дать мне счастливого женского пути, своего пути. Призываю в помощь ангелов небесных, а сама стою по пояс в черной густой жиже в полной темноте, одна. Произношу вслух молитву «Отче Наш», молю Силы Небесные исцелить мою женскую судьбу через исцеление всех женских судеб моего рода. Стою в полной тьме. С молитвами начинает появляться слабый свет, он позволяет мне оглядеться. Это – бездонная чернота, а вокруг – черти. Я понимаю, что я в Аду. Мне страшно, я тяну руки к свету и произношу молитвы. Света становится все больше, постепенно он заполняет все пространство: нечисть исчезает, вся чернота превращается во что то небольшое и растворяется позади меня. Я стою на свежевспаханной теплой влажной земле и тяну руки к солнцу. Мне тепло и спокойно. Я вижу много людей, они все в черном... Я стою позади них и смотрю, куда они все повернулись. Люди смотрят на гроб, в гобу лежу

я. Я смотрю на себя – мне не страшно, даже удивительно. Люди говорят о том, что я даже в гробу симпатичная и улыбаюсь. Я смотрю на все это и думаю: «Пусть они так и думают..., значит для них я должна умереть». Разворачиваюсь и тихонько, чтобы они не заметили, ухожу..., ухожу к другим людям, для которых я жива и здорова. Чувствую себя счастливой. Ад, в котором я себя увидела, – это беспросветная тьма. Это было место, в котором я жила долгое время, и я поняла это только с первыми лучами света, которые мне позволили оглянуться и увидеть...».

Список использованных источников

1. Дюркгейм К. О двойственной природе человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sa-test.narod.ru/durckheim.htm>
2. Gilligan S. The Courage to Love Principles and Practices of Self-Relations Psychotherapy. 1997.
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.facebook.com/profile.php?id=100011789019229&fref=pb&hc_location=friends_tab&pnref=friends.all
4. Гартман Г. Жизнь Парацельса и сущность его учения М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2009. 269 с.
5. Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. Приложения. (Издание для родных и друзей). СПб.: Тип. Р. Голлике и А. Вильборг, 1913.
6. Флоренский П. У водоразделов мысли. Т. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2805755-pall.html>
7. Дилтс Р., Делозье Дж. НЛП-2 поколение Next. СПб.: Питер, 2012. 320 с.
8. Лаувенг А. Завтра я всегда бываю львом. Самара: ИД «Бахрах-М», 2015. 288 с.